

УДК 316.7; (93)

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-98-102

ЗАКИРОВА Елена Ниязовна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
elenaniayzovna@mail.ru

Elena N. ZAKIROVA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
elenaniayzovna@mail.ru

ХАРИНА Наталья Сергеевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Natalya S. KHARINA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

**ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ И РАЗВИТИЕ
ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В 1930-Е ГОДЫ НА
ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА
– ЮГРЫ**

**ELIMINATION OF ILLITERACY AND
DEVELOPMENT OF PRE-SCHOOL AND SCHOOL
EDUCATION IN THE 1930S IN THE KHANTY-
MANSIYSK OKRUG – YUGRA**

В рамках данного исследования проводится попытка проследить развитие дошкольного и школьного образования спецпереселенцев в 1930-е годы на территории Ханты-Мансийского округа - Югры. К середине 1930-х годов в спецпоселках осуществлялась культурно-просветительская работа среди детей и молодежи спецпереселенцев. Была разработана программа всеобщего обязательного начального образования детей спецпереселенцев, планировалось строительство новых школ. Весь процесс становления и развития дошкольного и школьного образования в спецпоселках проводился в сложных географических и материально-технических условиях. Важно отметить, что это было предметом постоянной заботы наркоматов просвещения СССР, ГУЛАГа, местных органов власти и народного образования, руководителей предприятий и учреждений, где трудились спецпереселенцы. Основные формы работы среди спецпереселенцев включали: школьные занятия, беседы-лекции, кружковую работу, снабжение литературой и периодической печатью. Процент детей спецпереселенцев, включенных в процесс обучения, имел очень важные политические последствия.

This study attempts to trace the development of pre-school and school education of special settlers in the 1930s in the Khanty-Mansiysk Okrug – Yugra. By the mid of 1930s, cultural and educational work among children and young adults of special settlers was carried out in special settlements. A program of universal compulsory primary education for children of special settlers was developed, building of new schools was planned. The whole process of formation and development of preschool and school education in special settlements was carried out in difficult geographical and material conditions. It is important to note that this was the subject of constant care of Commissars of Education of the USSR, of the Gulag, local authorities and public education, heads of industries and institutions where special settlers worked. The main forms of work among special settlers included: school classes, talks, lectures, circle work, supply of literature and periodicals. The percentage of children of special settlers included in the education process had very important political consequences.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, дошкольное образование, школьное образование, спецпереселенцы, наркомат, школьные занятия, просвещение, народное образование, переселенческая политика, обучение

Key words: elimination of illiteracy, pre-school education, school education, special settlers, Commissariat, school classes, education, public education, resettlement policy, training

Для цитирования Закирова Е.Н., Харина Н.С. Ликвидация неграмотности и развитие дошкольного и школьного образования в 1930-е годы на территории Ханты-Мансийского округа – Югры. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 6-1. с. 98-102.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-98-102.

For citation Zakirova E.N., Kharina N. S. Elimination of illiteracy and development of pre-school and school education in the 1930s in the KHANTY-Mansiysk okrug – Yugra. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 6-1. Pp. 98-102.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-98-102. (in Russ)

***Благодарность. Статья публикуется в рамках гранта РФФИ
(проект № 17-11-86005 от 15.03.2017) «Роль принудительных миграций
30–50-х гг. XX века в социально-политическом и экономическом развитии
Ханты-Мансийского автономного округа–Югры».***

***Acknowledgement. The article is published in the framework of RFFR grant
(project № 17-11-86005 from 15.03.2017) “The Role of Forced Migration
in the 30-50-ies of XX Century in the Socio-Political and Economic Development
of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra”.***

Территория Ханты-Мансийского автономного округа - Югры за 1930-е годы приняла огромное количество «спецпереселенцев». Таким понятием именовали лиц, которые по тем или иным (чаще всего политическим) причинам подпадали под репрессии и были насильственно переселены в отдаленные районы страны (Сибирь, Казахстан). Следует отметить, что в 1930-е годы в спецссылку направляли чаще всего представителей крупных крестьянских хозяйств - кулаков. Переселенческая политика СССР в исследуемый период была направлена на улучшение экономического положения отдаленных территорий.

В начале 1932 г. на территории Ханты-Мансийского автономного округа насчитывалось 650 спецпереселенческих населенных пунктов, а сам округ считался одним из крупных регионов «кулацкой ссылки» в Сибирь. По сведениям окружного отдела ОПТУ, в округе на 1 апреля 1932 г. в 56 переселенческих поселках проживали 6459 семей, или 30 243 человек из числа переселенцев [1, с. 52-53].

На апрель 1932 г., по данным ОГПУ, в Остяко-Вогульском национальном округе (ХМНО) находились 6459 семей спецпереселенцев: 30 243 человека, из них 9296 женщин, а 11 402 - дети до 16 лет. Расселили их в 56 новых населенных пунктах, в основном на территории Берёзовского, Сургутского и Самаровского районов. Около трети из них (почти 7 тыс. мужчин и 2,5 тыс. женщин) были заняты на промышленном производстве, преимущественно в лесном и рыбном [2, с. 234].

Все спецпереселенцы делились на пять групп «по способности к физическому труду»: «в первую группу входили способные к выполнению любых работ; во вторую - те, кто мог выполнить только легкие физические работы; в третью - неспособные к физической работе, но пригодные к использованию на легких кустарных промыслах, заготовке грибов, ягод; четвертая группа включала неспособных к какому-либо труду; пятая группа - детей до 16 лет» [3, с. 159]. Возраст задействованных в хозяйственной работе был от 18 до 60 лет. Больше половины из них были несовершеннолетние дети, поэтому встал вопрос об организации работы с ними.

Цель данного исследования - проследить развитие дошкольного и школьного образования спецпереселенцев в 1930-е годы на территории Ханты-Мансийского округа - Югры.

В 1931 г. Наркомат просвещения РСФСР разработал программу школьного строительства в спецпоселках ГУЛАГа ОГПУ, в основе которой стояли задачи: «ввести в 1931-1932 учебном году всеобщее обязательное начальное образование детей спецпереселенцев, построить к 1932 году 940 школ первой и второй ступени...». В 1936 г. было построено свыше 1500 начальных, неполных средних, средних школ и осуществлен переход ко всеобщему семилетнему образованию [4].

Однако становление системы народного образования в начале 1930-х годов в различных регионах находилось на разных уровнях.

Местные власти стремились как можно быстрее распределить всех детей спецпереселенцев в детские сады и ясли, прежде всего для высвобождения их (в первую очередь женщин) от забот, связанных с уходом за ребенком, с целью их полного трудового использования [Государственный архив Югры. Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.102-105].

Детей спецпереселенцев при практически полной занятости их родителей направляли в ясли, детские сады и школы. Дети школьного возраста «в обязательном порядке

должны были ставиться на учет районными отделами народного образования и посещать школу, расположенную в ближайшем населенном пункте» [Государственный архив Югры. Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.105].

Школьное образование детей спецпереселенцев в первые годы практически не проводилось: большая часть учебных заведений были открыты только в конце 1932 г. В них обучались дети по программе начальной школы, что не давало возможности обучаться подросткам. К сожалению, школы были не во всех спецпоселениях либо находились слишком далеко. Школы-семилетки имелись только в районных центрах, поэтому дети старшего возраста не всегда могли учиться. Лишь 15% детей спецпереселенцев посещали школы, большинство же из них оставались без образования.

Так, в Тюлинском сельском совете Самаровского (Ханты-Мансийского) района «...не посещали школу 7 детей-переселенцев, потому что она находилась на расстоянии 12 км...» [Государственный архив Югры. Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.105].

В 1930-1933 гг. происходит неуклонный рост числа обучающихся в спецпереселенческих школах: в 1931 г. - 321 учаш., 1932 г. - 2921, в 1933 г. - 4506 учащихся. Количество открытых учебных заведений в округе увеличилось в 10 раз, а количество обучающихся детей - в 15 раз. На одну спецпереселенческую школу в среднем приходилось по 103 ученика. Это свидетельствует об увеличении количества семей спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры [5].

Первые годы детям спецпереселенцев официально отказывали в приеме в обычную образовательную школу, а если и принимали, то обучение проводили в отдельных классах. Вопросы, связанные с открытием школ в спецпоселках, решались местными партийными органами. В последующие годы специальный учет школ в спецпоселках не проводился, потому что детям спецпереселенцев разрешили посещать обычные школы. Имеются сведения, что количество школ всех типов за период с 1930 по 1941 г. увеличилось вдвое и составило 194 [Государственный архив Свердловской области. Ф.233. Оп.1. Д.1829. Л.87-91; Государственный архив Югры. Ф.1. Оп.1. Д.191. Л.54; Ф.5. Оп.1. Д.69. Л.1-31].

Распределение школ в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре происходило неравномерно: большая часть школ размещалась в юго-западной части округа. Здесь находились промышленные и сельскохозяйственные предприятия, на которые широко привлекался труд спецпереселенцев. Именно там отмечается динамика роста учебных заведений. Главная организационная задача образовательных учреждений была связана с более эффективным использованием труда спецпереселенцев. Школы для спецпереселенцев обязаны были выполнять задачи, поставленные в целом перед советской школой: добиваться «хорошего освоения учебной программы, высокой грамотности, прочных систематических знаний». Особое внимание уделялось выработке коммунистического мировоззрения - воспитанию «беззаветной преданности делу Ленина и Сталина» [5].

По распоряжению местных властей детей спецпереселенцев стали принимать в классы (до двух человек); правда, не допускали на занятия по предмету «военное дело». Им зачитывался усиленный курс обществознания; запрещалось вступать в пионерскую и комсомольскую организации и любые другие общественные объединения. Решить назревавшие проблемы помогли сами спецпереселенцы. Ссылные родители выступали инициаторами открытия дошкольных учреждений и школ для своих детей, принимали участие в обеспечении этих учреждений продуктами питания. Приобретение учебных пособий и письменных принадлежностей было возложено на плечи самих спецпереселенцев.

Качество содержания детей в дошкольных учреждениях было на очень низком уровне. Причины - плохо подготовленный кадровый состав, использование неправильно оборудованных или несоответствующих требованиям помещений, невыполнение своих обязательств хозяйственными организациями. В этих случаях в решении проблем участвовали родители детей и представители интеллигенции, которые были такими же спецпереселенцами. Они совместно с представителями власти организовывали работу дошкольных учреждений, выполняя роли воспитателей и учителей [5].

Для решения вопроса по улучшению качества дошкольного и школьного образования по инициативе НАРКОМПРОСа было разработано и утверждено положение «О школьных советах в школах спецпоселений», основными целями деятельности которых были: «оказывать помощь заведующему школой и учителям; претворять в жизнь постановления партии и правительства, руководящих органов народного образования; выступать в роли централизованного звена по всем направлениям в управлении школой. Руководителем школьного совета назначался непосредственно сам заведующий школой, а все постановления школьного совета, которые касались внутреннего распорядка школы, приводились в исполнение после утверждения заведующим школой и только под его ответственность» [4].

В состав школьного совета входили: «заведующий школой, все преподаватели (преподаватели из числа спецпереселенцев с правом совещательного голоса), представители власти на местах, школьный врач, представители от групп учащихся, начиная с третьего года обучения, представители от групп учащихся, начиная с третьего года обучения первой ступени - по одному от каждого года обучения; от одного до трех представителей от родителей по избранию КОМСОДом, с правом совещательного голоса. Родители и учащиеся, члены школьного совета утверждались комендантом. Комендант имел право не допустить тех или иных представителей родителей в школьный совет. Под руководством школьного совета осуществляла свою деятельность так называемая комиссия содействия в школах спецпоселений (КОМСОД), в ее задачи входило выполнение работ практического характера: организация питания школьников, путем максимального привлечения инициативы и средств со стороны родителей, а также местных хозяйственных и кооперативных организаций; выявление уровня материальной нужды детей; привлечение материальных и денежных средств, для укрепления материально-хозяйственного положения: деньги, стройматериалы, топливо, продовольствие, обувь, одежда, белье, учебники, мебель, подвоз, общежитие и т.д.» [6, с. 36-37].

К концу 1932 г. в трети всех спецпереселенческих населенных пунктах силами родителей и представителей власти были организованы школы, но оставался нерешенным вопрос о кадровом обеспечении вновь открывающихся учебных учреждений. Стоит заметить, что все материальные затраты по организации учебного процесса оставались на плечах родителей.

К апрелю 1932 г. число учителей в районах спецссылки увеличилось в три раза и достигало 1183 человек. Потребность в учительских кадрах была удовлетворена на 90%. Чтобы восполнить нехватку учителей, разрешалось привлекать для работы в школах самих спецпереселенцев: на начало 1932 г. их количество составило 42,2% от всего педагогического состава учебных заведений [6].

Подготовка кадров специалистов из числа спецпереселенцев позволяла решить сразу несколько проблем: во-первых, в значительной мере освобождала от необходимости присылать сюда специалистов из других регионов, а во-вторых, открывала новые возможности для спецпереселенцев.

Влияние выходцев из той же социальной среды, что и спецпереселенцы, было более глубоким и заметным, чем влияние присланных специалистов. Большая часть спецпереселенцев относилась к присланным педагогам настороженно, а иногда враждебно. Основные формы работы среди спецпереселенцев включали: школьные занятия, беседы-лекции, кружковую работу, снабжение литературой и периодической печатью.

Таким образом, в спецпоселках действовала стройная система дошкольного и школьного образования. Всеобщим обучением было охвачено примерно 88,5% детей спецпереселенцев, которые обучались в 118 школах первой и второй ступени [7, с. 127-133]. Стоит отметить, что дети спецпереселенцев не имели права продолжать обучение в средних специальных учебных заведениях. Их обучение новым профессиям осуществлялось на рабочем месте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Закирова Е.Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в. // Вестник угроведения. - 2015. - № 3 (22). - С. 52-57.
2. Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышский Север (1920-1960-е гг.) // Русские старожилы. - Тобольск; Омск, 2000.
3. Харина Н.С. Социальные аспекты хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Том. 10. - № 5 -2. - с. 157-164. - doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164
4. Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. - М., 1993.
5. Политические репрессии 1930-1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. док. / Сост. Е.М. Брагина, Ю.В. Лазарева, Л.В. Набокова. - Ханты-Мансийск, 2002.
6. Казакова Н.С. К вопросу об особенностях учебно-воспитательного процесса для детей спецпереселенцев и их правовом положении (на примере Остяко-Вогульского округа) / 1937 год: память и уроки: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф. (14-15 декабря 2007 г., Тюмень) / Редкол.: С.С. Пашин (отв. ред.) и др. - Тюмень: Вектор Бук, 2007. - С. 36-37.
7. Лобченко Л.Н. Европейский Север: социально-экономические реалии прошлого и перспективы развития в XXI веке / Л.Н. Лобченко // Учен. зап. Рос. гос. соц. ун-та. - 2010. - № 5. - С. 127-133.

REFERENCES

1. Zakirova E.N. Special settlers in Ostyako-Vogulsky (Khanty-Mansiysk) national district in the early 30-ies of XX century. Bulletin of Ugric studies. 2015. № 3 (22). Pp. 52-57.
2. Gorshkov S.V., Popov N.N. Soviet exile to the Ob-Irtysh North (1920-1960-ies.). Russian old-timers. Tobolsk; Omsk, 2000.
3. Kharina N.S. Social aspects of economic and household life of special employers in the territory of Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Yugra. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 157-164. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164. (in Russ)
4. Russian pedagogical encyclopedia. Vol.1. M., 1993.
5. Political repressions of the 1930s-1940s in the memoirs and personal documents of the residents of the Khanty-Mansiysk Autonomous district. collection of documents. Composed by E.M. Bragina, Y.V. Lazareva, L.V. Nabokova. Khanty-Mansiysk, 2002.
6. Kazakova N.S. The features of the educational process for children of special settlers and their legal status (on the example of the Ostyako-Vogulsk district). 1937: memories and lessons: Materials of interregional scientific and practical conference (14-15 December 2007, Tyumen). Editor of collection: S. S. Pashin (responsible editor) and others. Tyumen: Vector Buk, 2007. Pp. 36-37.
7. Lobchenko L.N. European North: socio-economic realities of the past and prospects for development in the 21st century. L.N. Lobchenko. Scientific notes of the Russian state social University. 2010. No. 5. Pp. 127-133.

Информация об авторах:

Закирова Елена Ниязовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и права, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия
elenaniayzovna@mail.ru

Харина Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и права, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Information about the authors:

Elena N. Zakirova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Law, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
elenaniayzovna@mail.ru

Natalya S. Kharina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Law, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

Получена: 14.11.2018

Received: 14.11.2018